

Владимир Иванович Даль

Из "Матросских досугов"

Содержание

ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ	0004
ЧЕСМЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ	0006
БРИГ "МЕРКУРИЙ"	0026
НА САНЯХ В МОРЕ	0035
СЕРЖАНТ ЩЕПОТЬЕВ С ТОВАРИЩАМИ	0039
ПЛЕН И ПОБЕГ	0042
БИТВА С ИНДЕЙЦАМИ	0048
ДЕДУШКА	0060
ВОЛЬНЫЙ МОРЯК ГЕРАСИМОВ	0065
СПАСЕНИЕ ИЗ ПОЛОНУ	0071
Примечания	0074

Владимир Иванович Даль

Из "Матросских досугов"

ПЕРВЫЙ КОРАБЛЬ

В 1697 году Царь Петр Великий, находясь в Голландии для личного изучения корабельного мастерства, заложил своими руками и строил с помощью взятых им с собой из России дворян и голландских плотников 60-ти пушечный корабль, длиною во 100 футов, во имя Петра и Павла. Он был спущен, вооружен, оснащен и отправлен в Архангельск – тогда еще у нас балтийского поморья не было, оно было шведское, – и этот корабль, к которому царь ходил на работу с топором за поясом, был первый русский военный линейный корабль.

Но первые корабли русской постройки сделаны были в Воронеже, на верфи, основанной в 1694 году; в 1696-м первая донская флотилия, спущенная на воду, состояла из 2 военных кораблей, 25 галер, 2 галеасов и 4 брандеров и из Воронежа прошла Доном в Азовское море. 40-ка пушечный фрегат "Ластка" в 1699 году был первым нашим военным судном на Черном море; он отвез русского посла, думного дьяка Емельяна Украинцова, в Царьград и

нечаянным появлением своим там перепугал турок и наделал много тревоги.

После Воронежа верфь заложена была в Брянске, потом, для каспийского флота, в Нижнем; затем, после завоевания Невы и основания северной столицы, Петр Великий в 1704 году начал там строить суда; а в то же время корабли строились в Архангельске и покупались у англичан и голландцев.

Таким образом, прозорливый царь в несколько лет создал гребной и парусный флоты на всех сопредельных нам морях, видя, что без этого пособия не быть у нас свободной торговле, ни даже крепости государству. Только с этого времени Россия стала выходить из-под зависимости Швеции и Турции, а вскоре сделалась и победительницей над ними.

ЧЕСМЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В турецкую войну нашу 1769 года государыня императрица Екатерина II повелела готовиться балтийскому флоту в поход, в Средиземное море, чтобы побеспокоить турок с того конца, где они русских не ожидали. Изготовлено было 7 кораблей, 1 фрегат, 1 бомбардирское судно, 6 транспортных судов и начальство над ними поручено адмиралу Спиридову. 17 июля государыня сама посетила флот на кронштадтском рейде и благословила адмирала орденом Св. Александра Невского. На другой день флот снялся, имея 8 рот пехотных солдат и 2 роты артиллерии, для десанта.

После разных походов, при которых некоторые корабли отстали, другие зашли в иностранные порты, один транспорт разбился в Категате, а один корабль и вовсе покинут был в Англии, флот наш собрался к зиме в Средиземном море. Придан был еще контр-адмирал Эльфинстон, с тремя кораблями, двумя фрегатами и несколькими транспортом, а главное начальство на море и на суше при-

нял граф Алексей Григорьевич Орлов. Всю зиму флот занят был блокированием или занятием турецких городов и крепостей, то высадкой, то сбором тут и там войска, в подкрепление грекам; но по бестолочи их, своевольству, непривычке к порядку и послушанию все попытки их, даже при нашей помощи, были довольно неудачны. Весной 1770 года турецкий флот вышел из Цареградского пролива и через Дарданеллы; тогда флот наш всеми силами пустился на поиск за ним.

Контр-адмирал Эльфинстон, с тремя кораблями и фрегатом, первый открыл, в половине мая, неприятеля за мысом Св. Ангела, на самой южной оконечности турецкого полуострова Морей. Адмирал спустился на турецкий флот, несмотря на слабость свою, и завязал было сражение; но турки уклонились и при затиши успели уйти буксиром в залив Навплию.

На другой день подул нам противный ветер; эскадра гнала к ветру подо всеми парусами и нашла турок на якоре, под крепостными пушками Навплии. Наши открыли огонь, но опять заштилило; течением понесло корабли

наши в бухту, почему они вынуждены были бросить якорь, стать на шпринг, чтобы повернуться лагом к неприятелю, и продолжали сражаться: но к вечеру вышли опять из бухты, причем корабль "Саратов", зашедший слишком глубоко, насилу выведен был гребными судами.

Видя, что с такими неравными силами нельзя атаковать неприятеля под крепостью, адмирал отошел от бухты, выжидая выхода его в море. В то же время послал он греческое судно в Наварин, где граф Ф.Г.Орлов занят был другими военными распоряжениями, известить его, что турецкий флот отыскан. 22-го мая граф Ф.Г.Орлов с флотом соединился с эскадрой Эльфинстона у острова Цериго; 24-го в полдень, при южном ветре, открылся неприятельский флот на якоре при острове Специи. Поднят был сигнал общей погони.

Турки спешно обрубили канаты, вступили под паруса и легли бейдевинд, на восток. Русские быстро на них спускались. Южный ветер свежел, корабли Эльфинстона выбежали вперед; к 6-ти часам, когда ветер опять затихал, корабли "Саратов" и "Нетронь-Меня" открыли

пальбу. Турки опять обрадовались затиши и отбуксировали корабли свои гребными судами вне выстрела.

На рассвете 25-го подул слабый N; турецкий флот был милях в четырех, на ветре; погоня возобновилась, но безуспешно: при маловетрии во все следующие дни турецкий флот ушел из виду и скрылся за островами.

Адмиралы Спиридов и Эльфинстон разделились, частью для наливки водой, в которой терпели нужду. Затем оба отправились к острову Цериго, за главнокомандующим графом Алексеем Григорьевичем Орловым, под начальством коего они желали атаковать турок.

11-го июня граф Орлов соединился с флотом у острова Специя; затем некоторые корабли опять наливались водой, а 19-го флот направился к острову Хиосу отыскивать неприятеля и отрезать ему путь домой. Но опять маловетрие удерживало флот наш; наконец 23-го июня подул свежий SW, и в то же время грек привез весть, что турки стоят между Хиосом и азиатским материком, Анатолией.

Флот наш пустился туда подо всеми парусами. Командор Грейг, высланный вперед на

корабле "Ростиславе", с двумя малыми фрегатами, для опознания неприятеля, в 4 часа пополудни увидел весь турецкий флот, становившийся на якорь под анатолийским берегом. Командор Грейг поднял сигнал: "вижу неприятеля"; граф Орлов поднял другой: "всему флоту спуститься к "Ростиславу". Ночь заставила флот наш привести к ветру; но неприятеля прижали к берегу.

На рассвете, в 4 часа, главнокомандующий поднял сигнал общей погони. Весь флот спустился в кильватер ему; в 6 часов, при входе в пролив, между островом Хиосом и матерым берегом, увидели неприятеля в левой руке, под берегом этим, на якоре, в две линии. В половине 9-го, в двух милях от неприятеля, нашему флоту велено строиться в боевой порядок, причем адмирал Спиридов начальствовал авангардом, граф Орлов кордебаталией, а адмирал Эльфинстон арьергардом. В одиннадцатом часу вся линия наша стянулась и состояла в эту замечательную битву из следующих судов:

АВАНГАРД

Адмирал Спиридов.

Фрегаты: Корабли: Командиры:

Св. Николай 66-п. Св. Евстафий. Кап. Крюйс.

Адм. Спиридов.

*Бомб. корабль 66 * Св. Януарий. Кап. Борисов.*

*Почтальон. 66 * Три-Святителя * Рокебург.*

КОРДЕБАТАЛИЯ

Гр. Алексей Григорьевич Орлов, Главн. ком.

Фрегаты: Корабли: Командиры:

Папин. 66-п. Три-Иерарха. Бригадир Грейг. Главн. ком.

Гр. Орлов

*66 * Ростислав. Кап. Лупандин.*

*66 * Нетронь-Меня * Безенцов.*

АРЬБЕРГАРД

Контр-адмирал Эльфинстон.
Фрегаты: Корабли: Командиры.

Надежда. 66-н Европа. Кап. Клокачев.
*Африка. 80 * Святослав. * Барж.*
К.-Адм. Эльфинстон.
Мелкие греческие
*суда. 66 * Саратов. Кап. Хметевский.*

У турок в первой линии стояло десять семи- и восьмидесяти кораблей, в том числе один 96-ти и один 100-пушечный; во второй 7 кораблей, 4 фрегата. Турки стояли хорошо; расстояние между кораблями одной линии было немного более двойной длины судна; корабли поставлены на шпринги, чтобы их не заворотило при перемене ветра; суда второй линии поставлены против промежутков первой; вся линия стояла малым погибом, дугой, со впадиною посредине, от берега были они не далее полумили; первый фланг примыкал к низменному острову, левый к Чесменской губе. Гребные суда, баркасы и галеры держались на веслах между флотом и бе-

регом, где расположен был стан сухопутного войска.

В 11 часов дан был сигнал: "спуститься на неприятеля". Адмирал Спиридов с авангардом тотчас начал спускаться; а за ним в кильватере прочие. В исходе 12-го передовой корабль, "Европа", подошел на выстрел, и неприятель открыл сильный огонь со всех кораблей: но наши молчали и, подошедши на пистолетный выстрел, вдруг стали приводить вдоль неприятельской линии, осыпая ее ядрами. Так делали и все прочие корабли наши, оборачиваясь лагом против турок. В половине первого все корабли уже вступили в жаркое дело.

Скажем теперь слово о некоторых кораблях наших порознь.

Авангард и кордебаталия в особенности смело напирали. Корабль "Европа", подойдя вплоть, привел и положил марсель на стеньгу; но когда следовавший за ним "Евстафий" стал напирать, то "Европа" должен был уступить ему место, наполнил марсель и вышел вперед крайнего, наветренного неприятельского корабля; затем он поворотил на другой

галс, спустился и, заняв место позади "Рости-слава", вступил опять в самый жаркий бой.

"Евстафий", при быстрой и меткой пальбе, в свою очередь также вышел вперед тем же путем, также хотел поворотить, но из-за сильных повреждений в рангоуте не успел в этом, увалился под ветер и навалил на передовой турецкий корабль ("Реал-Мустафа"). При самой свалке пушечный и ружейный огонь не умолкал: турки стали бросаться за борт и достигать вплавь берега; но "Мустафа" загорелся, пламя пошло по снастям и парусам и перешло на "Евстафий". На нем был адмирал Спиридов и граф Федор Григорьевич, родной брат главнокомандующего; они едва успели спастись на шлюпке, как горящая грот-мачта упала на "Евстафий", и этот взлетел на воздух. Это сделалось так скоро, что шлюпки со всего флота, посланные тотчас на помощь "Евстафию", опоздали и успели только снять капитана Крюйса и двух человек с остова взорванного корабля.

Граф Алексей Григорьевич не знал о спасении брата своего до конца сражения: он считал его погибшим.

"Три-Святителя" за "Евстафием" лег борт о борт с неприятелем и громил его ядрами. Увидев участь "Евстафия" и рассудив, что, держа марсель на стеннге и потеряв ход, также поворотить против ветра не сможет, решился поворотить через фордевинд, для чего и должен был прорезать неприятельскую линию: при этом он утлегерем своим снял флагшток у одного из турецких кораблей, прошел между обеих линий неприятельских и, осыпая их ядрами, вправо и влево, благополучно поворотил и вышел на простор.

За ним шел "Св. Януарий": он стрелял залпами, проходя мимо, по каждому кораблю и не потеряв ходу, когда, шедший перед ним "Три-Святителя" должен был спуститься, поворотил против ветра на другой галс.

За "Януарием" шел "Три-Иерарха": чтобы не упасть на неприятеля, он бросил якорь против турецкого флагмана и отнес корму на шпринге. Он до того одолел капитана-пашу страшным пушечным и ружейным огнем, что тот, обрубив канат, бросился на берег: но второпях и в страхе он позабыл обрубить кормовой шпринг свой; поэтому корабль уклонился

носом к берегу, а кормой стал против борта "Трех-Иерархов"; с четверть часа этот громил его продольными выстрелами и разбил в пух.

За флагманом следовал "Ростислав": он также положил марсель на стенгу и, оставаясь на одном месте, осыпал неприятеля ядрами. За ним следовали уже три арьергардные корабля, которые также сделали свое, но не подходили на такое близкое расстояние к неприятелю, как первые шесть кораблей, и были менее в деле.

Покуда оба флота были в этом тесном и жестоком бою, где каждое ядро пробивало оба борта навывлет, а "Св. Евстафий", навалив на наветренный неприятельский флагманский корабль, взял его абордажем, причем сам адмирал турецкий, Гасан-Бей, был ранен, бросился за борт и едва был спасен турецкой шлюпкой, а вслед за тем "Евстафий" вместе с неприятелем загорелся, — турецкие корабли, будучи все под ветром, стали думать только о своем спасении: все они стали рубить канаты, ставить паруса и уходить без оглядки в Чесменскую бухту. Страх обнял их, чтобы горящие корабли с наветру на них не навалили.

Как только турки пошли на побег, то главнокомандующий, обрубив и сам канат на "Трех-Иерархах", поднял сигнал: "гнаться За неприятелем" – и турецкий флот в такой тревоге и беспорядке тискался в бухту, что корабли давили и ломали друг друга.

У нас не было брандеров, которые бы легко было пустить на неприятеля, бывшего в таком расстройстве; граф Орлов велел всем кораблям бросить якоря, а сам стал у самого входа в бухту, на пушечный выстрел от неприятельского флота. Граф Алексей Григорьевич тотчас послал в самую бухту командора Грейга, на бомбардирском судне "Гром", чтобы в неурядицу эту бросать бомбы и каркасы; в то же время приказал он снарядить брандерами четыре греческие судна, бывшие при флоте. Это поручено было бригадиру Ганибалу.

Все замечательное дело это (24-го июня), за которым следовало, как мы увидим, еще славнейшее, длилось не более как полтора часа. В два часа пополудни турки уже стояли в бухте. Мы потеряли, конечно, много; на одном только погибшем "Евстафий": офицеров, морских

и сухопутных 35, нижних чинов 473. На прочих кораблях: всего 13 убитых и около 25 раненых. Турки стреляли так бестолково, что все ядра шли через верх и одно только шальное ядро попадало в корпус. На флагманском корабле избиты были все три мачты, бушприт, реи; но этим турки, конечно, не могли унять пальбы нашего флота. О потере у турок ничего даже близкого к делу не знаем, но она, как видно по всему, была очень велика.

До самой ночи корабли наши чинились и снаряжали брандеры; во все время это "Гром" бросал снаряды свои на турецкий флот, беспокоил его и держал в страхе. Он уже и не смел более отстреливаться. Брандеры, под надзором бригадира Ганибала, успели только на другой день (25-го июня) к вечеру.

Между тем турки также чинились и строили на берегу батареи; шесть больших кораблей поставили они поперек, против входа в бухту; остальные по бокам и за первыми, против промежутков. В этом положении ожидали они нашего нападения; уйти им было некуда. Ветер дул NW, нам попутный в бухту, которая была битком набита турецкими ко-

раблями, транспортами, гребными галерами и далее купцами; при самом же входе в бухту можно было стать не более как трем кораблям в ряд.

По всему этому назначены были для приступа четыре корабля: "Ростислав" – командир Лупандин; "Европа" – командир Клокачев; "Нетронь-Меня" – командир Безенцов, "Саратов" – командир Хметевский; два фрегата: "Надежда" – командир Степанов; "Африка" – командир Клеопин; затем бамбардирное судно и четыре брандера. Начальство над отрядом поручено командору С.К.Грейгу и ему приказано: войти лунной ночью с эскадрой в Чесменскую бухту, поставить суда как можно ближе к неприятельским, разгромить их пушками и сжечь брандерами. Командирами брандеров назначены были охотники: капитан-лейт. Дугдаль, лейтенанты Мекензи и Ильин и мичман князь Гагарин.

В 11 часов ночи 25-го июня командор Грейг поднял фонарь на гафеле, чтобы не встревожить неприятеля выстрелами; это был условленный сигнал "сняться с якоря". Корабли эскадры, идущей в дело, ответили фонарем на

кормовом флагштоке: "готовы". Командор поднял три фонаря: "идти на неприятеля".

"Европа" в полночь бросил якорь в самом близком расстоянии от турок, они открыли по нем с кораблей и с береговых батарей сильный огонь; он стал на шпринг и отстреливался взапуски от кораблей и от батарей. Вскоре подоспел командор и бросил якорь с "Ростислава" на самой середине бухты, в полукабельтове от "Европы", оставив его справа, "Нетронь-Меня" в то же время бросил якорь левее "Ростислава", в полукабельтове от него. Фрегаты стали еще левее, противу береговых батарей.

Час с четвертью длилась страшная пальба, от которой земля и море стонали. Тогда каркас, или зажигательное ядро, брошенное с бомбардирного судна, упал в рубашку грот-марсея турецкого корабля; парус был из бумажной парусины, сухой, как порох; пламя обняло его мигом, и перегоревшая грот-стенга упала на палубу и обдала огнем весь корабль. Страх объял турок, и командор, не упуская времени, подал сигнал брандерам: "Спуститься на неприятеля и, сцепившись с

ним, зажечь их".

Капитан-лейтенант Дугдаль на передовом брандере, поставив все паруса, прошел мимо командора; но тут встретил две гребные турецкие галеры, которые, видно, стерегли его и кинулись на абордаж; он зажег брандер, бросился за борт и выплыл на свою шлюпку, которая отдала бакштов при самом нападении галер и далеко отстала. Но турки пустили брандер ко дну.

Лейтенант Мекензи подошел очень близко к неприятелю и зажег свой брандер: но в это время пожар с горевшего турецкого корабля перешел уже под ветер на три других, а с этих стало осыпаться головнями соседей, и едва ли не половина турецкого флота стояла уже в огне, и брандер Мекензи навалил на горевший корабль.

Когда затем третий брандер, лейтенанта Ильина, проходил мимо командора, то этот закричал ему: не зажигать брандера, не сцепившись наперед с одним из кораблей, бывших у турецкого флота на ветре, потому что подветренные уже сами собой загорались. Ильин исполнил это: сошелся борт о борт, за-

жег брандер, бросил брандскугель на неприятельский корабль и сам кинулся в шлюпку.

Мичман, князь Гагарин, подошел на четвертом брандере; но так как уже большая часть турецкого флота, в тесноте этой, стояла в огне, то и он попал на горевший корабль. Таким образом, один только брандер Ильина мог исполнить дело свое удачно; от брандера Ильина загорелась вся наветренная часть турецкого флота.

Вместе со спуском брандеров корабли наши перестали стрелять, но так как затем несколько наветренных (от своего флота) турецких кораблей не загорались и продолжали пальбу, то командор также открыл опять по ним огонь.

К трем часам ночи вся бухта стояла в страшном огне. Турки замолкли и были заняты только своим спасением: гребные суда их тонули или опрокидывались от множества народу, который бросался на них толпой; целые команды, обеспамятовав, кидались в воду, прыгая с корабля друг на друга и затопляя десятки и сотни людей; вся бухта, среди тесноты и множества объятых пламенем судов,

покрылась несчастными, которые, спасаясь, топили один другого. Немногие из них добрались до берега. Командор от жалости к ним приказал остановить пальбу. На турок нагна-ли такого страху, что они не только бросали на произвол судьбы не загоревшиеся еще ко-рабли свои, но даже бежали из крепости и города Чесмы, откуда жители ушли еще прежде.

Приказав прочим кораблям отойти немно-го для безопасности от пожарища, "Рости-слав" остался наблюдать за развязкой. На ко-рабле этом перекрепили паруса потуже, что-бы искра не могла завалиться, и обливали их и весь такелаж из пожарных труб, а палубы и борты ведрами.

Гребные суда посланы были, чтобы поста-раться выбуксировать один из двух не заго-ревшихся еще турецких кораблей. Ближай-шие корабли уже взрывало один за другим на воздух; несмотря на это, посланные два офи-цера исполнили поручение, но один из этих кораблей загорелся уже на буксире, от близ-кого взрыва, и был брошен; другой, "Родос", благополучно выведен к флоту. На свету взя-

ты были также брошенные турками галеры и баркасы. Затем в бухте не осталось не только ни одного корабля, но далее шлюпки, которая бы не сгорела или не была выведена к эскадре.

Командор вышел из бухты, отсалютовал флагману и отправился к нему с отчетом; наш урон был ничтожный; на "Европе" убито 8, на "Нетронь-Меня" 3, "Ростислав" опять потерпел только в такелаже. Турки потеряли более 10 тысяч человек, взрывы продолжались до 9 часов утра. На всем флоте нашем служили благодарственный молебен, для чего командиры собраны были у главнокомандующего. После обеда граф Алексей Григорьевич поехал осматривать побоище и, нашедши нескольких раненых и тонувших турок, приказал подать им помощь. Медные пушки с батареей и частью с затонувших кораблей были взяты. Князь Юрий Долгорукий, поехавший с графом Орловым, говорит в записках своих:

"Вода в бухте помутилась от крови и золы с углем: трупы турок запрудили проезд на шлюпках".

Чесменская победа одна из самых полных

и знаменитых, какие были одержаны когда-либо на море. Кроме 17 кораблей и шести фрегатов, погибло в деле этом большое число всякого рода турецких судов: шебек, бригантин, полугалер, галер, фелюг, всего близко сотни. Мы променяли "Евстафий" на "Родос" и помянули вечною памятью храбрых офицеров и команду первого, погибших со славою. В наши времена выстроен был корабль "Память "Евстафия".

БРИГ "МЕРКУРИЙ"

В турецкую войну 1819 года флот наш стоял у турецкого города Сизополя, на севере от Босфора (Цареградского пролива), выжидая турецкий флот, который по временам только нос выказывал из Босфора и тотчас опять уходил назад. Для подстережения его и чтобы тотчас дать о том знать флоту, послано было, по направлению к проливу, несколько легких судов, с тем, чтобы они, при выходе турок, дали о том знать адмиралу сигналами, передавая их друг другу.

С рассветом 15-го мая в виду флота показался фрегат "Штандарт"; в 9 часов уведомил он сигналом, что неприятель вышел в море; а так как в это время заштило, то с фрегата отправлен был офицер на гребном судке, который донес: Утром, накануне, три опознавательные судна наши подошли на 13 миль к проливу и встретили турецкий флот, в числе 18-ти вымпелов; завидя крейсера, он пустился за ними в погоню, и два корабля его, как видно, лучшие ходоки, стали приметно сближаться с ними. Старший командир фрегата

сделал сигнал: "всякому взять тот курс, при котором у него лучший ход"; но бриг "Меркурий", отстав от прочих, был настигнут кораблями, которые открыли по нем огонь. Около пяти часов вечера пальба прекратилась. Флот наш в возможной скорости снялся с якоря и пошел к Босфору. К 5 часам вечера бриг "Меркурий" встретил флот и вскоре к нему приккнул.

Наружный вид брига показывал, какую битву он выдержал: корпус, рангоут, такелаж, паруса – все было избито ядрами. Командир, капитан-лейтенант Казарский, таким образом донес о подвиге своем:

Когда турецкий флот пустился в погоню за нашими двумя бригами и фрегатом, а от этого приказано было сигналом: "каждому бежать, как выгоднее", то "Меркурий" лег в полветра, почти прямо прочь от неприятеля. Но два турецкие корабля, 110-ти пушечный, под флагом капитана-паши, и 74-х пушечный, под адмиральским флагом, приметно настигали бриг и к двум часам пополудни были от него не далее полутора пушечных выстрелов. В это время ветер стих и ход кораблей уменьшил-

ся; бриг выкинул весла в надежде удержаться до ночи вне выстрела; но через полчаса ветер опять посвежел, корабли стали приближаться и открыли пальбу из погонных пушек.

Видя, что некуда деваться и что нет надежды уйти от непосильного боя, Казарский собрал военный совет из всех наличных офицеров; штурман, поручик Прокофьев, как младший, должен был первым подать голос и сказал: "так как уйти нельзя, разбить неприятеля нельзя, то само собой разумеется, что должно драться до последней возможности, а наконец привалиться к неприятельскому кораблю и взорваться с ним вместе на воздух".

Это мнение принято было всеми в один голос, и потому положено: драться, покуда не будет сбит весь рангоут, или не откроется сильная течь, и покуда есть кому служить у пушек; а затем свалиться с неприятелем и подорваться. Кто из офицеров останется в живых, тот должен был зажечь крют-камеру; для этого положен был на шпиль заряженный пистолет.

Если рассудить, что на бриге было всего 18 пушек малого калибра, а неприятель напирал

184-мя пушками большого калибра, то подумаешь, что слышишь сказку; но быль наша еще не кончена, а что ни дальше, то будет лучше.

Казарский объявил коротко команде, чего ожидает от них царь и что требует честь русского флага – и команда вся отвечала: рады славному бою, рады честной смерти!

Уверившись таким образом во всех подчиненных своих, Казарский сказал: "теперь нам ничего не страшно, а мы неприятелю страшны. Шабаш! Убирай весла; обрубить стропы и тали и сбросить в море ялик с кормы, чтобы не мешал пальбе из уходных портов! Люди по пушкам!"

Стопушечный корабль стал спускаться на бриг, чтобы дать по нем продольный залп; "Меркурий" тоже приспустился и не дал кормы своей в обиду. С полчаса еще он кое-как увертывался, так что корабли стреляли по нем только из погонных орудий, но затем оба корабля настигли его, разошлись несколько и поставили его в два огня. Каждый из кораблей дал по два залпа, а затем с корабля Капудана-паши, подошедшего очень близко, закры-

чали по-русски: "Сдавайся и убирай паруса!" "Меркурий" отвечал на это залпом всей артиллерии своей, всех восемнадцати пушек, громким "ура" и дружным ружейным огнем.

Тогда оба корабля сдались немного к корме брига и открыли по нем жестокий огонь ядрами, книпелями и брандскугелями. От последних бриг было загорелся, но пожар вскоре потушили. Бриг во все время отстреливался так, будто нашел неприятеля по силам, стараясь только уклоняться от продольных выстрелов.

Время шло, команда на "Меркурии" увидела, что под турецкими ядрами еще пожить можно; много было перебито, да не столько, как бы следовало ожидать: один путный залп со стопушечного корабля должен был пустить бриг ко дну. "Меркурий" приободрился, а какое-то счастливое или роковое ядро его перебило ватер-штаги стопушечного корабля; а другое, как можно было заметить, повредило гротовый рангоут. Турок закрепил бомбрамсели, привел к ветру и лег в дрейф; и на прощание послал бригау последний залп всем лагом.

Таким образом, "Меркурий" избавился от одного неприятеля, но другой сидел у него чуть не на боканцах. Переменяя галсы под кормой брига, корабль бил его беспощадно в корму, чего уже никак нельзя было избежать. "Меркурий" продолжал свое – в поле да в море веруют в ветхий завет: око за око и зуб за зуб; и опять нашлось роковое ядро, которое перебило у турка фор-марса-рей. Перебитый нок напором паруса переломило вовсе, и он полетел вниз вместе с лиселями!

В 5 1/2 часов и этот корабль, вынужденный убраться часть парусов, а может быть, опасаясь также, чтобы не напороться одному на засаду в чистом море – привел и лег в дрейф.

Три часа длилось сражение это, в котором, конечно, никто из наших не чаял спасения. На бриге всего было убитых 4, раненых 6; пробоин: в корпусе 22, в рангоуте 16, в такелаже 148, в парусах 133; сверх того разбиты гребные суда и подбита одна коронада.

Об этом деле писал один из штурманов турецкого адмиральского корабля письмо, из которого мы выписываем следующее:

"Во вторник со светом мы заметили три

русских судна: фрегат и два брига; мы погнались за ними, но могли догнать один только бриг, в 3 часа пополудни. Корабль Капудана-паши и наш открыли сильный огонь. Дело неслыханное и невероятное; мы не могли его заставить сдаться! Он дрался, отступая и увертываясь, с таким искусством, что – стыдно сказать – мы прекратили сражение, и он со славою продолжал свой путь. Он верно потерял половину своей команды, потому что был, одно время, от нас не далее пистолетного выстрела; но Капудан-паша прекратил сражение еще часом ранее нас и сигналом приказал нам сделать то же. Бывший на корабле нашем русский пленник сказал нам, что капитан этого брига никогда не сдастся, а скорее взорвется на воздух. Коли в древние и новые времена были подвиги храбрости, то, конечно, этот случай должен затмить все: имя героя достойно быть написано золотом на храме славы: это капитан-лейтенант Александр Иванович Казарский, а бриг "Меркурий".

Пусть же такое свидетельство самого неприятеля передаст потомству достойную

славу Казарского и всех его сподвижников; а прах его да почиет с миром, а бессмертная душа да ликует на небесах. Ныне уже его нет в живых.

Государь произвел Казарского в капитаны 2 ранга, назначил его своим флигель-адъютантом, дал ему за храбрость Георгия 4 степ.; лейтенантам брига "Меркурий" Скорятину и Новосильскому, мичману Притупову, поручику Прокофьеву пожаловал по чину, да по кресту, первым трем Владимира 4 ст. с бантом, а последнему, как тому, кто первый подал голос в совете, чтобы взорваться на воздух, Георгия 4 степ.; всем нижним чинам брига, до последнего, знак Военного Ордена; всем чинам, как офицерам, так и низшим: двойной оклад жалованья в пожизненный пенсioen; бригау "Меркурий" дал георгиевский флаг, и наконец, чтобы увековечить память героического подвига в роде всех бывших на бригае офицеров, государь повелел каждому из них принять в родовой дворянский герб свой пистолет, которым они решились взорвать на воздух бриг, в случае последней крайности.

Кроме того, государь, жалуя 32 флотскому

экипажу георгиевское знамя, соизволил повелеть, чтобы при экипаже этом оставался на вечные времена бриг "Меркурий"; а потому, коль скоро он придет в ветхость, то строить по тому же чертежу другой и переносить на него флаг, "дабы память знаменитых заслуг", сказано в указе, "переходя из рода в вечные времена, служила примером потомству".

Александр Иванович Казарский скончался в 1833 году, 36 лет от роду, в Николаеве. Офицеры черноморского флота поставили ему памятник в Севастополе, на мысе, при самом входе в порт.

НА САНЯХ В МОРЕ

1839-го года, в феврале, уральского войска отставной казак Дервянов, с малолетком Джандиным и работником, из киргизов, Тюбетом, выехали на трех санях на аханное рыболовство. Для этого выезжают по льду на взморье (Каспийское), ставят на шестах сети и, выбирая их опять на ночь, берут попавшуюся в них красную рыбу. Но промысел этот опасен: если моряной взломает лед, подымет, да потом задует береговой ветер, то рыбаков уносит в море. То же случилось и с Дервяновым. Время промысла давно кончилось, все рыбаки воротились домой, а Дервянов с товарищами пропал. Настала весна – и вдруг астраханский мещанин Овчинников представил в суд Дервянова с Тюбетом, которых взял в открытом море с саней. Вот показание Дервянова.

Зовут меня Потапом, Никитин сын, Дервянов, от роду мне 66 лет, веры православной, войска уральского отставной казак, грамоте не знаю, проживаю в Гурьеве.

Выехали мы на аханное рыболовство сам-

третий, в начале февраля, и по худому заливу стали подыматься далее в море, и стали на трех саженьях. Проспав ночью моряну, мы поутру только увидали, что нас понесло; однако вскоре опять сомкнуло лед и мы поехали верхами собирать аханы. Их-то мы не нашли, а, подъехав к майне, увидели, что нас опять несет в море. Мы бросились скакать в ту и другую сторону по льду, думали даже кинуться вплавь, но нас уже далеко отнесло.

Таким образом носило нас 17 дней, хлеб стал приходить к концу; морозы усилились, лед начал цепляться и связываться и мы добрались по льдинам опять на трехсаженную глубину, то есть верст на 30 от берега; но нас унесло далеко на запад, к Астрахани. Тут на беду стала оттепель; лед начинал рушиться, обивался волнением и крошился. Мы доедали одну лошадь, остальные две были чуть живы: корм давно вышел.

В одно утро увидели мы вдалеке, между льдов, кусовую лодку (рыболовную) и обрадовались, словно воскресли: стали подымать одежду свою на оглоблях и махать; два калмыка подъехали к нам на бударке (лодочке),

сказались тюленьщиками, которых также без хлеба носит четвертую неделю во льдах; они чаяли помощи от нас и сколько мы ни просили их взять нас, не соглашались и держались от нас на веслах поодаль. Джандин бросился в воду, нагнал их вплавь и насильно влез в лодку; испугавшись, чтобы и мы не сделали то же, калмыки ударили в весла и ушли от нас.

Мы сам-друг остались опять на икрине всего сажень в 25, и час от часу она все более крошилась и изникала, от тепла и волнения. Видя гибель свою, мы зарезали обеих остальных лошадей, сняли с них кожу дудкой, не распарывая брюха, зашили их накрепко, завязали и надули. Эти два бурдюка подвели мы под одни сани и, привязав к полозьям, спустили на воду; да помолившись, каждый по-своему, Богу, забрали топор, веревки, конину на пищу, да притесав из оглобель весла, простились со льдиной и пустились в путь.

Мы сидели по колени в воде, но сани с бурдюками нас хорошо держали и, заложив весла за копылья, мы стали грести на север, к берегам. Пять дней и пять ночей бились мы и

не раз выбивались из сил: тогда нас опять мыкало ветром и уносило далее в море. На шестые сутки увидели кусовую: собравшись с последними силами, мы стали грести к ней и около полудни благополучно пристали и были приняты астраханским мещанином Овчинниковым, который об эту пору уже вышел в море на весеннее рыболовство.

Всего в отнoсе таскало нас более пяти недель; когда мы спустились на сани, то лед был уже так рыхл, что ноги проступали насквозь. На другие сутки после того, уже весь лед измолoло и вокруг нас не видно было ни льдинки.

Джандина калмыки также привезли благополучно в Астрахань; и старик Дервянов, оправившись от ломоты, которою было заболел, просидев шестеры сутки по колени в воде, много еще переловил рыбы на Каспийском море.

СЕРЖАНТ ЩЕПОТЬЕВ С ТОВАРИЩАМИ

П риступив к Выборгу, в 1706 году, Петр Великий узнал, что шхерами пробираются в море несколько неприятельских купеческих судов. Царь выслал тотчас за ними, 12-го октября, пять лодок с 48 рядовыми под командой Преображенского полка сержанта Щепотьева, бомбардира Дубасова да двух флотских унтер-офицеров, Скворцова и Наума Синявина.

Ночь захватила лодки эти в запутанных проходах между островками, а сверх того, пал такой туман, что наши, перед носом, ничего не могли видеть и шли, как говорится, ощупью. Они вовсе заплутались и вдруг попали на неприятельский военный бот, "Эсперн". Не зная, на кого они наткнулись, наши не робея закричали "ура", бросились всеми пятью лодками на неприятеля, влезли на судно, несмотря на пушечную и ружейную пальбу его, и в одно мгновение перекололи и посталкивали за борт, кого застали наверху, а прочих, на-

крыв и забив люки, заперли внизу.

Только что они успели спрятаться, очистить палубу и пуститься на завоеванном боте в путь, как другой такой же, стоявший вблизи и услышавший пальбу, поспешил на помощь. Но урядники Скворцов и Синявин, взяв под начальство свое пленное судно, так хорошо успели на нем распорядиться, что встретили второй бот пушечной пальбой из первого, между тем как с лодок пустили беглый огонь; второй бот спешно удалился и скрылся в темноте и тумане.

Опознавшись кое-как, наши к утру воротились к своему стану, к берегу, и привели пленное судно. На нем было 5 офицеров, 103 рядовых и 4 пушки; но под люками оказалось налицо всего 30 человек, остальные были побиты. И немудрено, они оборонялись отчаянно; из нашей команды оказалось, к сожалению, 30 убитых; а из остальных 18 было только 4 человека нераненых. Царь и радовался победе этой и скорбел по ней, потому что, сверх того, все пять лодочных командиров были тяжело ранены и впоследствии четверо из них скончались от ран, а остался в

живых один Синявин!

Об этом славном деле царь своей рукой писал Меншикову, Головину, Нарышкину, Шереметьеву, Репнину, Голицыну, Шафирову, Мусину-Пушкину, Брюсу, Зотову и повелел тела наших убитых, сколько их привезено было, предать земле в Петербурге, с офицерскими воинскими почестями, при сопровождении целого батальона.

ПЛЕН И ПОБЕГ

В 1807 году капитан В.М.Головнин, известный после пленом своим у японцев, отправился на шлюпе "Диана" в кругосветное путешествие. Это было первое на судне русской постройки: шлюпы "Надежда" и "Нева" уже прежде этого, под начальством И.Ф.Крузенштерна, первые под русским флагом обошли вокруг света – но эти два судна куплены были в Англии.

Экипаж "Дианы" был отборный; офицеры избраны были отличные; вооружение, запасы и все принадлежности изготовлены и устроены были с особенной заботливостью и знанием дела.

Незадолго до выхода шлюпа из Кронштадта государь вынужден был заключить мир с Наполеоном – мир непрочный, но кое-как державшийся до 1812 года миролюбием царя нашего, который не хотел войны. Этот мир не полюбился англичанам, которые были и оставались в ссоре с французами и хотели принудить к тому же других. От этого вышла у нас с ними размолвка.

Пришедши в Англию и запасшись там еще чем нужно было, В.М.Головнин, видя, что дело между Англией и Россией может дойти до разрыва, стал хлопотать о выдаче ему от английского правительства свободного паспорта, какие выдаются судам, идущим за учеными розысками в дальний и многолетний путь. Эти паспорта заведено выдавать разными государствами на случай объявления войны после отбытия судов, в том именно уважении, что такие суда, хотя и военные, но отправлены не для войны, а для ученых розысков на общую пользу.

Паспорт и был выдан – но на беду в тот самый день, когда объявлена была между Россией и Англией война. "Диана" отправилась и по необходимости зашла на мыс Доброй Надежды. Здесь стояла английская эскадра, и адмирал ее объявил, что не может отпустить нашего шлюпа, а должен его задержать до получения из Англии приказаний. Как ни горько, а надо было покориться силе.

Проходит один месяц за другим, наконец и целый год – а англичане все еще держат шлюп наш, будто бы не получая из Англии

приказания. У капитана уже почти недоставало средств содержать и про довольствовать команду; англичане ему не только не оказывали ни в чем и никакой помощи, но, напротив, старались всячески притеснять, чтобы принудить отдаться добровольно в их руки: то требовали они, чтобы матросы наши выслались для работ на английские суда – в чем, однако же, Головнин отказал наотрез, – то грозили свезти команду нашу на берег и приставить к шлюпу свой караул.

Видя, что положение его со дня на день становится хуже и что добра ожидать нельзя, командир "Дианы" решился выручить команду и судно и уйти из залива при первом удобном случае. Дело это было весьма трудное: "Диану" поставили в самой глубине, в углу залива, подле английского адмиральского корабля и окружили многими другими кораблями и фрегатами, мимо которых надо было проходить. Кроме того, все паруса были отвязаны и нельзя было привязать их на глазах англичан; провизии свежей не было вовсе, а сухарей очень мало – за год все съели – и заготовить их также нельзя было при наблюдении

нии неприятеля.

Головнин нарочно выезжал много раз на шлюпке из залива, наблюдая различие ветров, которые в самом заливе и в открытом море стояли всегда разные. Таким образом он узнал, какого ветра ожидать в море при таком-то ветре в бухте, и, соображаясь с этим, готовился. С большой осторожностью перевезли понемногу самый небольшой запас харчей и воды и, подготовив в палубе паруса для привязки, ждали по ночам попутного ветра.

В половине мая 1808 года, ночью, задул очень свежий NW; английская эскадра чинилась, отдыхала и исправлялась еще к выходу в море; но телеграфом дано было знать с вечера, что два судна идут с моря: их-то всего более надо было опасаться. В.М.Головнин надеялся на темную и бурную ночь и на расторопную команду свою. Терять время было нечего; надо было решиться; годичная неволя всем так надоела, что все готовы были на отчаянное спасение.

Как только смерклось, на "Диане" привязали втихомолку штормовые стакселя – других

парусов нельзя было привязать скрытно; тут нашел шквал, и командир, велев обрубить канат, поворотился на шпринге и, подняв стакселя, пошел. В ту же минуту замечена была тревога на ближайшем английском судне, откуда и закричали в рупор адмиральскому кораблю, что русский шлюп уходит.

На "Диане" была тишина: никто не смел громко говорить, не только кричать. Миновав все суда, она пустилась в проход из бухты и в то же время бросились поднимать брам-стенги, привязывать паруса: все офицеры, гарде-марины и унтера работали внизу, на реях и марсах.

Несмотря на усилившийся ветер, дождь и темноту, в два часа успели привязать фок и марсея и поставить их, также выстрелили брам-стенги, подняли брам-реи, поставили брамсея, подняли на места лисель-спирты, изготовили к подъему лисели; так что если бы только ветер позволил, то и они были бы поставлены.

В десять часов "Диана" была уже в открытом море, и англичане в погоню за ней не успели; таким образом кончился плен "Дианы"

на мысе Доброй Надежды, продолжавшийся год и 25 дней.

Уменьшив порцию, пустившись далее на юг и далее от всех островов и берегов, остерегаясь всякой встречи и обогнув Новую Голландию, "Диана" во весь путь пристала к одному только островку, лежащему в стороне от всякого пути, а затем отправилась прямым путем и пришла благополучно 23-го сентября 1810 года в Камчатку.

БИТВА С ИНДЕЙЦАМИ

Лет 30 тому, на севере Америки было еще мало поселений и купецкие корабли ходили к этим берегам только для промена бус, бисера, ножей – и на беду свою также ружей и пороха, – на рухлядь. Корабль, на котором я служил штурманом, занимаясь уже несколько месяцев этою меною, подвигался из бухты в бухту далее на север. Старик индеец, прибывший к нам на челноке, вызвался привести нас в безопасную бухту, где обещал очень выгодную мену. И точно, он привел нас к удобному якорному месту, прикрытому с моря островком. Но место было тесное, и мы стояли не далее тридцати сажень от берегов.

Индеец, которого мы прозвали Приседалой за то, что он припадал каждый раз, когда мы стреляли из ружья, оставил нас, а мы, осмотревшись, взяли кой-какие осторожности, зная, что здешним дикарям нельзя класть пальца в рот. Вскоре он воротился с товарищами, и мы выгодно выменяли у них до сотни бобров и выдр; они обещали привезти еще много товару, и шкипер решил простоять

тут несколько дней. Приседало и товарищ его Рус остались на судне, прочие воротились на берег, куда отправилась и часть наших. Но весь берег был покрыт непроходимым, вековым лесом, почему мы сели опять в шлюпку и переехали на остров, за которым стояли.

Здесь мы нашли следы индейского стана и много огнищ; а расхаживая по острову, мы вскоре нашли дурные для себя приметы: здесь, очевидно, сожжено было по частям европейское судно: по остаткам видно было, что все железо, гвозди, петли, крючья были отдраны и вынуты. Я, призадумавшись, сел на плиту, которая подо мною покачнулась; желая поправить ее, я увидел под нею кусок аспидной же плиты, с надписью. Вытащив ее, я созвал товарищей и прочитал:

"Дикие заманили сюда 9-го июня 1784 года американский промысловый бриг Бобер, напали и вырезали его ночью, а потом сожгли".

Положение наше было не завидно. Шкипер хотел бы сняться с якоря и уйти, но ветер был противный. Оставалось утешиться тем, что Бобер, вероятно, был вырезан другим племенем, а наши приятели, Приседало и Рус,

были на вид простодушны и, казалось, зла не замышляли. Шкипер приказал нам однако же остерегаться, не пускать вдруг более трех гостей на судно и держать ночью строгий караул.

Рус и Приседало ничего не знали о погибшем здесь за несколько лет судне, а выпросились ночевать у нас. Оба старика эти были безоружны и очень сдружились с нами. В ожидании продолжения выгодной мены, им шкипер позволил переночевать на шканцах. Они оба давно уже спали крепким сном, когда я в полночь вышел на вахту и присев беспечно у борта – не могу сказать что задремал, – но забылся, вспоминая прошлое. Вдруг мне платком затянули рот и в то же время руки мои были за спиною, как скованные. Оглянувшись с трудом, я увидел за собою Руса и Приседала. Они связали меня по рукам и по ногам, а платок во рту не давал мне подать голоса. Я был один наверху; матрос, назначенный на часы, сошел вниз, и этою-то оплошностью враги наши воспользовались. Вывесив для знака товарищам своим фонарь за борт, они сами стали на часы у люков. Не прошло

десяти минут, как кругом из-за борта, молча, стали показываться дикари, как тени; они приставали к судну и поднимались на него так тихо, что я их только видел, но почти ничего не слышал. Они заняли люки и перешептывались.

Я услышал голос шкипера, который меня звал; я едва мог промычать горлом, и несчастный начальник наш, не слыша ответа и не зная, что делается, стал подыматься по трапу... каждая ступня его отдавалась у меня, как нож в сердце, я знал, что его ждет. Едва показалась непокрытая голова его сверху люка, как раздался по ней глухой удар кистеня, которым можно было свалить быка. Разбойники, не дав убитому упасть, подхватили его под руки и выкинули за борт.

Убив капитана, дикари закрыли и заколотили все люки. В палубе сделалась тревога, но поздно. Уверившись в победе своей, разбойники развязали мне ноги, ослабили веревку на руках, сняли повязку со рта и, подведя к люку, знаками приказывали мне объяснитьсь с пленными товарищами.

Я подал голос – помощник шкипера ото-

звался и спрашивал, что случилось?

– Капитан убит, – сказал я, – люки заколочены, а я здесь в плену. Думай и будь осторожен!

Помолчав несколько, товарищ мой спросил:

– Волен ли ты в словах своих, можешь ли говорить?

– Меня двое держат, – отвечал я, – и заставляют говорить с тобой, но может быть, они несколько понимают язык наш.

– Так и мы понимаем друг друга, сказал тот: много ль вам лет на шканцах?

– Годов тринадцать будет, – отвечал я, по-няв, что он спрашивает, много ли диких.

– С хлопучками, – продолжал он, – или только с игрушками?

– С пяток хлопучек будет, но игрушками также не шути: к рукам пришлись.

Индейцы, видно сметив, что мы говорим лишнее, оттащили меня опять и посадили на ют. Рус был старшина, ему все повиновались; он ждал рассвета и подкрепления. Так прошла ночь. Со светом по резкому свисту Руса, которому отвечали из лесу, индейцы стали

прибывать толпами; я насчитал их более сотни. Меня развязали вовсе; я завидовал товарищам своим, которые, сидя внизу, могли бы за один раз поднять и себя и разбойников этих на воздух.

Они собрали несколько концов, спустили их на ял наш, привязали один конец к мачте нашего судна, взяли ял лодками своими на буксир и, передав конец на остров, при входе в бухту, принялись тащить туда судно наше. Они недоглядели, что оно стояло на якоре; но сметив скоро, в чем дело, отыскали топор, отрубили канат и опять принялись на островке за веревку.

В это самое время из шкиперской каюты раздался ружейный залп: я вскочил – крик и вой диких указал мне, куда глядеть; я увидел, что наши подстерегли и перебили их одиннадцать человек, проезжавших мимо на двух лодках. Некоторые из диких бросились было на меня, но Рус, вероятно предвидя, что я им еще нужен, или считая меня невольником своим, погрозил им, и они отошли. Часть диких кинулась на берег, подхватив убитых и раненых; другая была на острове и тащила

туда судно наше, но обе шайки были разделены, и первые не смели приблизиться к корме нашего судна, ни пройти мимо его к острову.

Дикари на острове, в злобе своей, стали тянуть бечеву с такою силою, что порвали ее, судно было на ходу к острову и отливом несло его туда же; стоя у штурвала, среди диких, я невольно положил право руля – и судно наше не ударилось на мель, а покатилося влево и вошло в пролив, ведущий в открытое море. Я и сам не знаю, как и почему я это сделал; я не мог надеяться спасти судно; но привычка – великое дело: мы шли прямо на берег, руль был у меня в руках, и я положил его право, чтобы не удариться о берег. Дикари были перепуганы, не совсем понимали то, что я сделал, и сами не знали, что начать. Большая часть их бросилась за борт и поплыла к острову, но до 25-ти человек и с ними Рус остались, хотя судно наше несло течением мимо острова в море. Я был в страхе и надежде, не знал, что будет, и про себя молился. Я хотел было открыть один люк, но толчок кистенем и нож в руках Руса заставили меня отойти.

Между тем судно вышло из пролива и лег-

кий ветер понес его далее от берега. Дикари опомнились: Рус подошел ко мне и, замахнувшись несколько раз ножом, приставил его к груди моей, требуя знаками, чтобы я правил к берегу. Я объяснил ему, что ветер от берега, и что во всяком случае без парусов ничего нельзя сделать. Он понял меня и, требуя указания, какой парус и как отдавать и ставить, тотчас сам с товарищами принялся за работу, продолжая, впрочем, грозить мне по временам ножом.

Таким образом поставили мы грот, фок и бизань; дело шло очень медленно, потому что дикари не умели за него взяться, хотя и старались всеми силами, и Рус видел, что не по моей вине нас отнесло уже на полмили от берегов. Он был в видимом страхе, но надеялся на меня и на страшные угрозы свои. Конечно, они бы давно меня убили, если бы только сумели без меня справиться с судном. Они стали нудить меня все более, а я старался объяснить им направление ветра и действие парусов, доказывая, что не в моей власти перескочить на берег и что надо еще прибавить один парус – а именно, кливер. Они поняли меня, и

когда мы развязали его и я им показал кливер-фал, то они все толпою кинулись подымать его с таким усердием, как лучшие матросы.

Мы отошли от берега на целую милю; множество лодок с дикими выехало, но все они в страхе и недоумении держались кучкой на половине этого расстояния. Надобно сказать, что я с отчаяния закурил сигарку, подав другую Русу, который также курил; мне пришло в голову, что дикари в лодках не могли знать, что у нас делается и что постановка стольких парусов должна была их озадачить; пушки наши были заряжены картечью, и в то самое время, когда судно при поднятии кливера покатилося к ветру, а все дикари продолжали с криком надраивать фал его и шкот, одно из орудий, к которому я подскочил от руля, пришлось прямо по направлению лодок: недолго думав, я приложил сигарку к запалу – и сам отскочил назад к штурвалу.

Картечь легла очень близко от лодок; все они, полагая, что мы овладели судном, быстро пустились к берегу. Мои дикари со страшным визгом бросились ко мне; но они остано-

вились в страхе и недоумении, не зная, я ли причиною этой суматохи; а я указал им в палубу, стараясь уверить, что не я выстрелил, а запертые товарищи мои. Ничего не понимая – хотя в палубе ни портов, ни пушек не было – дикари со страхом и бешенством на меня смотрели и не знали, что делать.

Ветер был слабый, но изрядная зыбь, и к крайней радости моей я заметил, что многих незваных гостей моих, с непривычки, стало укачивать. Время шло, мы уходили от берегов, и в ответ на страшные угрозы Руса с братиею, я отступился от руля, показывая, что необходимо поставить марсели, без которых лавировать нельзя. Я, наконец, однако же, должен был сделать что-нибудь, иначе они бы меня, без сомнения, убили; приведя к ветру, я стал поворачивать и к неожиданности моей поворотил с этим бестолковым экипажем и лег на другой галс.

Убедившись, что судно идет к берегу, индейцы ревели и плясали от радости, а в то же время других рвало, четырех так укачало, что они растянулись на палубе и стонали.

Дикари держались между грот и би-

зань-мачтами и неохотно стояли на баке, потому что нос более качало и им страшно было смотреть, как по временам волна обдавала галльюн. Я постучал в задний люк – штурман тихонько ответил: идите все к фор-люку, сказал я, и стойте на трапе. Сам я пошел на бак, брался за разные снасти, будто для управления; часового у этого люка сильно укачало, но он был вооружен отнятыми у меня пистолетами. Люк этот был только покрыт глухой крышкой, и через нее перекинута железная полоса с наметкой; я вдруг нагнулся, выдернул кляпш и откинул полосу; часовой припал, чтобы удержать люк, закричав изо всей мочи, но крышка уже слетела, весь экипаж наш выскокчил, а я, обняв часового с пистолетами, катался с ним по палубе.

Наши встретили толпу дикарей таким отчаянным натиском, что не далее как в десять минут вся палуба была очищена. Убитых было не более семи, остальные в страхе сами кинулись за борт, и все перетонули; одного только Руса мы вытащили и, повесив на рее, подошли к острову, чтобы показать его диким, с которыми простились картечью.

К закату солнца мы уже все привели в порядок и, оплакав несчастного шкипера своего, пустились в дальний путь. Если и моя неосторожность чуть не погубила нас всех, то по крайности оставалось мне то утешение, что мне же удалось и спасти судно.

ДЕДУШКА

В 1691 году молодой царь Петр Алексеевич нашел в одном из сараев, в подмосковном селе Измайлове, брошенный там ботик, который когда-то поднесен был англичанами родителю Петра, царю Алексею Михайловичу. Не видав никогда такого судна, любознательный царь рассматривал его с большим вниманием и очень обрадовался, когда призванный голландец Брант взялся починить его, оснастить и пустить на воду.

Ботик и точно был спущен, с мачтой и парусом, на реку Яузу. Царь катался по реке, по Просвяному пруду, по озеру Переяславскому, и это ему так полюбилось, что он решился основать флот, хотя в то время не владел еще нигде морем, кроме Архангельска.

Однако настало для Петра то время, когда флот наш, гребной и парусный, не только явился на Азовском и Балтийском морях, но даже был главной причиной воинских успехов, особенно против шведов. По Нейштатскому миру в 1721 году балтийские губернии и Финляндия остались навсегда за нами, и на

завоеванной земле процветала уже новая столица, Петербург, а в гаванях балтийских спокойно стоял наш флот. Тогда царь, вспомнив ботик на Яузе, назвал его Дедушкой русского флота и в честь его устроил особое торжество: ботик привезен был в 1723 году из Москвы в Шлиссельбург, там вновь исправлен, и сам царь поплыл на нем Невою в столицу свою.

У Смольного монастыря встретила его царица с невским гребным флотом; спустившись до Троицкой церкви, при пальбе и празднестве, ботик был поставлен под особый навес, на сохранение.

Вскоре царь сделал большой смотр кронштадтскому флоту, на рейде, всего 19 кораблей и 4 фрегата, кроме множества галер и других мелких судов. Здесь ботик, или "Дедушка", прошел под штандартом вдоль всей линии, при пальбе изо всех пушек флота и крепости, при барабанном бое и музыке и громогласном клике "ура".

В это время гребцами на "Дедушке" были четыре флагмана: адмиралы Сивере, Гордон, Синявин и Сандерс; государь стоял на руле, а генерал-адмирал Апраксин и адмирал Крюйс

сидели на почетном месте. "Дедушка" отвечал на приветствие внучатам своим из четырех пушчонок. Все празднество это длилось двое суток.

Затем "Дедушка" был опять привезен в Питер и отдан коменданту на вечное сохранение. Еще два года сряду, до кончины государя, ботик 30-го августа был спускаем для празднества. Императрица Елизавета Петровна возобновила торжество это, но с 1750 года ботик покоился под навесом; только в 1803 году, когда праздновали столетие С.-Петербурга, ботик поставлен был на возвышение, на ступенчатом корабле "Гавриил", посредине Невы, супротив конного памятника Петру Великому.

В 1836 году государю императору благоудно было отдать почет великому пращуру своему: новым торжественным плаванием ботика мимо флота, какого еще до того не бывало на кронштадтском рейде.

28 июня, при салюте с крепости, ботик спущен был на Неву, и, принятый Адмиралтейств-Советом от коменданта, приведен на буксире парохода в Кронштадт и введен, при

салютах же, в военную гавань. 2-го июля "Дедушку" поставили при почетном карауле на возвышенное место, покрытое алым сукном, на пароходе "Геркулес"; 26 линейных кораблей, 21 фрегат, 10 бригов, 2 шхуны, 2 люгера, 2 яхты тендеры – всего 64 вымпела, под начальством 84-х летнего адмирала Крона, стояли в линии на девяти верстах; государь с высочайшим семейством своим, двором и иноземными послами прибыл на пароходе "Ижора": тогда "Геркулес" под адмиральским флагом обошел всю линию флота, при отдании ботику чести, с барабанным боем и кликами "ура".

Затем "Геркулес" стал на якорь, на ботике поднят был штандарт, и пальба открылась со всего флота и с крепостей. "Дедушка" ответил семью выстрелами, и все корабли расцвелись флагами. Государь прибыл на "Геркулес" и осмотрел Деда Русского Флота в новом убранстве его; а когда после того "Геркулес" с ботиком стоял уже у входа в гавань и пароход "Ижора" проходил мимо, то сам император и все особы свиты его стояли в почтительном положении, лицом к ботику. Он привезен был опять в Петербург и сдан на хранение ко-

менданту, где поставлен ныне в особом доми-
ке и где посещают его любопытные, поклоня-
ясь в нем памяти Петра Великого.

ВОЛЬНЫЙ МОРЯК ГЕРАСИМОВ

Мещанин Матвей Герасимов ходил на вольных судах по Белому морю и перевозил хлеб и другой купеческий товар. Бывали у него когда-то и свои суда, но сокрушались одно за другим: беда ровно по пятам за ним ходила. Обеднев, он пошел в шкипера на чужие суда. В 1810 году, когда у нас был разрыв с Англией, он отправился из Архангельска в Норвегию – а что случилось с ним на пути, о том сам он рассказывает так:

В июле вышел я из Архангельска, на купецком судне Поповых, по имени "Евпл-второй", и пустился с грузом ржи в Норвегию. На "Евпле", кроме меня, был штурман, из отставных флотских, да 8 русских же вольных моряков.

Не доходя до мыса Норд-Капа, увидели мы 19-го августа военный фрегат, который подошел, лег в дрейф и спустил шлюпку; она подошла к "Евплу", и офицер кричал что-то на непонятном мне языке; я лег в дрейф, и офи-

цер с пятью матросами взошли ко мне на судно; это были англичане. Они без околичностей стали к рулю и парусам и взяли корабль наш в свое управление. Английские матросы обыскали нас и отняли у меня деньги. Противиться им мы, как безоружные, не могли, да и фрегат английский лежал рядом с нами в дрейфе, а за ним показался еще фрегат.

Меня взяли на шлюпку и представили, с бумагами, какие при мне были, на фрегат; но объяснить не могли мы и там – ни они не знали по-русски, ни я по-английски.

Вечером меня опять отвезли на мое судно; там застал я из своих только штурмана, боцмана, одного матроса и юнгу; прочие шесть увезены были англичанами. Зато они на "Евпле" оставили из своих офицера и семь матросов; да с моего судна взят был на фрегат бакштов.

До 23 августа тащили нас таким порядком, а между тем фрегат скрылся. Наше судно пораздергало качкой, и в нем оказалось до четырех футов воды. Ветер был очень свежий; мы крепко осаживали собой английский фрегат, и потому решился он бросить бакштов и

приказать своему офицеру, лейтенанту Корбету, идти с "Евплом" в Англию самому, для чего прибавили нам еще двоих из лучших матросов моих.

Таким образом плыли мы, под управлением англичан, еще четверо суток. Тяжело стало у меня на сердце, что идем мы в плен и что пропадет и корабль хозяйский и товар. Подумав, я положился на помощь божью и стал уговаривать товарищей своих, всего пятерых, избавиться от плена, толкуя им, что сделать это, коли бог попустит, можно; матросы согласились, но штурман опасался неудачи и никак не соглашался. Я уговорил товарищей сделать дело без него, оставив также и юнгу нашего, который был болен.

30-го августа, в 5 часов утра, когда офицер и шесть английских матросов все спали в каюте, а один только стоял на часах, мы подошли тихонько к каюте, заперли ее, заколотили запором, а сами, кинувшись на оплошного часового, столкнули его за борт.

Сделав это, мы спустились при попутном ветре к норвежским берегам. Мы остались, для управления рулем и парусами, всего сам-

пять. Англичане, проснувшись, начали всеми силами ломиться из каюты, мы стращали их криком и показывали, в угрозу, оружие; уходившись и отощав, они стали просить воды и пищи, которую мы им и подавали с осторожностью. Долго они, как видится, все еще надеялись выломиться из-под запоров и одолеть нас силой, и даже нашедши в каюте старое долото, сняли его с черена и как-то ухитрились из трубки его выстрелить. Мы на это стали грозить им их же ружьями, которые они по неосторожности оставили при своем часовом, наверху. Наконец мы выморили их голодом и жаждой и они покорились. Тогда мы делали мену: за бутылку воды они передавали нам по две и по три бутылки вина и рому, который остался внизу и был заколочен вместе с пленниками.

В такой нужде и тревоге, а отчасти и в страхе, чтобы семеро пленников наших не вырвались, тогда как у нас почти ничего не было для защиты, да и на штурмана и юнгу не было надежды в помощи – в такой тревоге достигли мы, наконец, датских берегов, пришедши к приморскому городку Вардгузу. Я

съехал на берег, явился к коменданту и рассказал дело наше; здесь я-таки мог объясниться, потому что в походах своих по мурманскому берегу наметался в норвежском языке, а он датскому близок.

Комендант прислал со мной на судно унтера и десяток солдат; при них я отпер дверь в каютную. Первым вышел офицер и отдал мне шпагу свою, кортик и кинжал, а также английский флаг, взятый им с собой, для подъема, в случае нужды, на нашем судне. Затем вышли поодиночке и матросы, и всех их датская военная команда приняла и увезла в город. Комендант выдал мне свидетельство в получении от меня пленников; а я, простояв за противными ветрами еще дня четыре, снялся с якоря и благополучно пришел в Колу.

Это показание, подписанное также боцманом Иваном Васильевым и матросами Петром Петуновым, Федором Пахомовым и Михаилом Сусловым, подал Герасимов Кольскому городничему, представив свидетельство об отдаче себя пленников своих, и просил позволения выгрузить рожь, которая от большой

воды в трюме подмокла.

Государь пожаловал мещанину Герасимову солдатский Георгиевский крест, за смелость, решимость и храбрость его. Флаг и шпага английского офицера, отобранные вначале у Герасимова, были ему опять выданы начальством для хранения на память этого подвига у себя и у потомков своих; кортик же хранится и теперь в артиллерийском арсенале архангельского порта.

СПАСЕНИЕ ИЗ ПОЛОНУ

После неудачной нарвской битвы 19 ноября 1700 года, за которую Петр Великий позже отомстил шведам, неприятель нарушил условия, заключенные с Шереметьевым о сдаче; нетерпеливый и недобросовестный, храбрый король шведский Карл XII, сам начальствовавший войсками своими, кинулся на отступавшую через реку Нарову расстроенную армию нашу, вопреки заключенного условия, и захватил, что мог. Большая часть генералов, а в том числе и князь Яков Феодорович Долгорукий, взяты были им, объявлены пленными и отправлены в Швецию.

Князь Долгорукий томился в неволе одиннадцать лет. В 1711 году шведы отправили его из города Якобштадта в город Умео; переход этот надо было сделать морем, и пленников посадили на шкуну.

Осмотревшись, князь Яков Феодорович увидел, что есть надежда к спасению: шведов было на шкуне всего двадцать человек, а наших сорок четыре. Условились, чтобы во время субботней всенощной, которую служил на

судне пленный же священник наш, при словах службы: дерзайте убо, бросить вдруг весла – шли на гребле, а пленников русских посадили в весла; при словах же: дерзайте, люди божия, каждый двоим русским схватить по шведу, и если который из них станет противиться, то выкинуть его за борт.

Сказано – сделано. Шведы не успели опомниться, ничего не ожидая, как вдруг все были схвачены и перевязаны. Князь Яков Феодорович сам бросился на шкипера и, приставив ему нож к груди, закричал: "Если хочешь быть жив, то вези нас домой – в Кронштадт или Ревель!".

Шкиперу надо было повиноваться, хотя дело было не совсем легко исполнить. Шкуна эта назначена была только для берегового плавания, и на ней не было ни карт, ни сведущего или бывалого морехода. Но бог пособил нашим; дошедши благополучно до острова Дакто, князь Долгорукий рассудил отпустить шведов, кроме одною только шкипера, и оттуда отправился и прибыл 19-го июня 1711 года на пленной шкуне в Ревель. Здесь подняли они русский флаг и, отсалютовав крепости,

бросили якорь.

Государь обнял старика князя со слезами радости, и, называя спасение его чудесным, взыскал его милостями своими и вскоре пожаловал ему две дворцовые волости в вотчину.

Примечания

Галера – старинное гребное судно.

Галеас – большая галера.

Брандер – небольшое судно, груженное легковоспламеняющимися материалами, предназначенное для поджога судов противника.

Спиридов Григорий Андреевич (1713-1790) – русский флотоводец, адмирал (1769). Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. командовал эскадрой в Средиземном море.

Орлов Алексей Григорьевич (1737-1807/08) – граф (1762), генерал-аншеф (1769). Один из руководителей похода в Средиземноморье. За победы у Наварина и Чесмы получил титул Чесменского.

Морея – полуостров Пелопоннес; ныне – часть Греции.

Поворотиться лагом – встать бортом.

Бейдевинд – курс судна возможно ближе против ветра.

N – норд, северный ветер.

SW – зюйд-вест, юго-западный ветер.

Грейг Самуил Карлович (1736-1788) – один из руководителей Средиземноморской экспе-

диции, впоследствии адмирал (1782).

Привести к ветру – повернуть круче к ветру.

Спустился в кильватер – выстроился колонной.

Боевой порядок – состоит из авангарда (передового отряда), кордебаталии (среднего отряда), арьергарда (замыкающего отряда).

Приводить – поворачивать.

Положил марсель на стеньгу – убрал марсель (второй парус, считая снизу).

Галс – курс судна относительно направления ветра.

Рангоут – деревянное "вооружение" корабля мачты, стеньги, реи и т.д.

Грот-мачта – средняя мачта на корабле.

Фордевинд – курс судна прямо по ветру.

Утлегерь – продолжение бушприта, наклонной мачты на носу судна.

Флагшток – шест для подъема флага.

Капитан-паша (Капудан-паша) – командующий турецким флотом.

Каркасы – зажигательные ядра.

Ганнибал Иван Абрамович – (1737-1801) – офицер русского флота. В экспедиции Спири-

дова командовал артиллерией флота, впоследствии – генерал-поручик (1770).

NW – норд-вест, северо-западный ветер.

Гафель – наклонное дерево на бизань-мачте (кормовой).

Полукабельтов – морская мера длины; кабельтов – 185,2 м.

Грот-стенъга – продолжение грот-мачты (средней).

Бакштов – буксирный трос.

Брандскугель – зажигательный снаряд.

Сизополь (Созополь) – ныне город-порт в Болгарии.

Такелаж – паруса и снасти судна.

Погонные пушки – установленные на носу, чтобы стрелять вдогонку.

Крют-камера (крюйт-камера) – пороховой погреб на корабле.

Стропы и тали – устройства для спуска лодки с корабля.

Уходные порты – отверстия в кормовой части для пушечной стрельбы.

Книпели – два ядра, скрепленные цепью.

Ватер-штаги – снасти, скрепляющие бушприт с водорезом.

Гротовый рангоут – реи средней (грот) мачты.

Бом-брамсели – самые верхние паруса (на четвертом колене мачты, бом-брамстенъге).

Лег в дрейф – утратил скорость.

Боканцы – брусья на корме для подъема снастей.

Фор-марса-реи – вторая снизу рея передней (фок) мачты.

Нок – конец реи.

Лиселя – дополнительные паруса, натягивающиеся между мачтами.

Лханы – поставные рыболовные сети.

Моряна – ветер с моря.

Майна – промоина, разводье.

Копылья – стояки, вдолбленные в санные полозья.

Кусовал – большая рыболовная лодка на Каспии.

Шхеры – Балтийское побережье, изобилующее островками, мелями, узкими проливами.

Бот – небольшое парусно-гребное судно.

Люгер – небольшое трехмачтовое парусное судно.

Тендер – одномачтовое мореходное судно.

Головнин Василий Михайлович (1776-1831) – русский мореплавател, член-корр. Петербургской Академии наук (1818), вице-адмирал (1830). Руководил кругосветными плаваниями на "Диане" (1807-1809) и "Камчатке" (1817-1819); на Курильских островах захвачен японцами, пробыл в плену в 1811-1813 гг.

Стакселя – косые дополнительные паруса.

Брам-стеньги – дополнительные наверх на мачтах.

Лисель-спирты – дополнительные паруса, поднимающиеся по бокам от основных.

Рухлядь – меха.

Грот, фок, бизань – основные (нижние) паруса на трех мачтах судна.

Кливер – косо́й парус на задней (бизань) мачте.

Кливер-фал – трос для управления кливером.

Фал – снасть для управления парусами.

Штурвал – рулевое колесо на судне.

Вольный моряк Герасимов – эпизод этот лег в основу сюжета повести А.А.Бестужева-Марлинского "Мореход Никитин".

Фальконет – небольшая пушка.

Бак – передняя часть палубы.

Гальюн – носовое помещение на корабле.

Фор-люк – люк в носовой части палубы.

Кляпыш – штырь, удерживающий засов.